

О. В. БОЛГОВА

**ПАРИЖ ХУЛИО КОРТАСАРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ ПИСАТЕЛЯ)**

К столетию со дня рождения Х. Кортасара (1914–1984)

В статье изучается значение и роль Парижа в жизни Хулио Кортасара по материалам его писем, охватывающих более чем три десятилетия XX века. Помимо непосредственных впечатлений писателя о городе, рассмотрено воздействие жизни в Париже на язык, быт и привычки писателя.

Ключевые слова: латиноамериканская литература, Х. Кортасар, письма, Париж

Выбранная тема находится на стыке как литературоведческих, так и биографических сюжетов. Во-первых, она позволяет дополнить многочисленные исследования биографии и творчества одного из самых заметных латиноамериканских писателей XX века Хулио Кортасара. Во-вторых, затрагивает проблему латиноамериканских писателей-иммигрантов и, в частности, — писателей-иммигрантов, переехавших жить в Париж. Наконец, в-третьих, она вписывается в рамки одного из наиболее востребованных направлений в современном литературоведении, к которому относится изучение так называемых «городских текстов». В соответствии с определением В. Н. Топорова, «городской текст» — это то, что «город говорит сам о себе — неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки» [Топоров, 1995, с. 368].

Париж, известный своим космополитизмом, стал «вторым домом» не для одного поколения иммигрантов из разных стран мира. Многие связывают этот город и с жителями далекой Аргентины, о чем свидетельствует опубликованный в 2010 г. сборник текстов под названием «Париж аргентинцев», в котором представлены впечатления и воспоминания аргентинцев, посещавших или обосновавшихся во французской столице в XIX и XX веках [Fondebrider, 2010]. Хулио Кортасар по праву назван составителем данной книги Х. Фондебридером «самым знаменитым аргентинцем Парижа» [Ibid, p. 216]. О влиянии Парижа на литературное творчество Кортасара можно говорить долго. Достаточно напомнить, что действие романа «Игра в классики», который принес Кортасару мировую известность, происходит как в Буэнос-Айресе,

так и в Париже. Не секрет, что именно в Париже его литературное призвание получило развитие, именно там он состоялся как писатель и общественный деятель. Вместе с тем, не будь Парижа в его жизни, тема изгнания [Kohut, 1985, Sorensen, 1999] и мотив, связанный с преодолением чувства вины перед родиной, которые читаются в ряде произведений Кортасара [Schmidt-Cruz, 2000], вероятно, остались бы за рамками его творчества.

Наряду с литературным наследием Кортасара, не меньший интерес представляют его письма, которые не так давно оказались в распоряжении исследователей. Впервые они были опубликованы в 2002 г., а спустя десять лет вышло расширенное издание в пяти объемных томах. Именно эта публикация послужила основой для данной статьи. Русскому читателю известны главным образом письма Кортасара к его аргентинскому издателю и другу Франческо Порруа, которые составляют лишь малую часть внушительного эпистолярного наследия писателя. В 2012 г. они вышли отдельной книгой в переводе Э. В. Брагинской.

В своих удивительно живых и часто пространных письмах, адресованных друзьям, родным и людям, связанным с ним по работе или общественной деятельности, Кортасар не только касается личных или рабочих вопросов, но и рассказывает о своих творческих планах, делится впечатлениями от поездок и книг. Париж, где Кортасар жил с 1951 г. вплоть до своей смерти в 1984 г., разумеется, занимает в его письмах одно из центральных мест. Любопытно не только получить непосредственные впечатления писателя о городе, но также посмотреть, в какой мере жизнь во Франции влияла на его язык, быт, привычки. Из этих, казалось бы, мелочей формировалось то особое мироощущение Кортасара — глубоко латиноамериканского писателя, творившего во Франции, складывался его неповторимый стиль.

* * *

Кортасар впервые оказался в Париже в возрасте тридцати лет. Однако эта не была его первая встреча с Европой. Напомним, что Кортасар родился 26 августа 1914 г. в Брюсселе, где его отец служил в аргентинском торговом представительстве. В годы Первой мировой войны семья некоторое время жила в Швейцарии, а затем в 1918 г. вернулась в Аргентину. После развода родителей Хулио и его младшая сестра Офелия остались на попечении матери и бабушки. Получив в 1932 г. диплом преподавателя средней школы, Кортасар работал учителем в небольших городках Боливар и Чивилькой в провинции Буэнос-Айрес, а затем стал преподавать французскую литературу в Университете Куйо в Мендосе на западе Аргентины.

С приходом к власти правительства генерала Хуана Доминго Перона в 1946 г. Кортасар уволился из университета и вернулся в Буэнос-Айрес, где он стал работать в Аргентинской книжной палате. Неприятие политики перонизма утвердило Кортасара в мысли о необходимости уехать из Аргентины в Европу. Пробный выезд состоялся в январе 1950 г.: два месяца Кортасар провел в Италии, путешествуя по разным городам, а затем, в конце февраля, он приехал на несколько месяцев в Париж. Летом 1951 г. Кортасар получил стипендию французского правительства с правом учиться в Париже с октября 1951 г. по июль 1952 г. [Cortázar; t. 1; p. 322]. В то время во Франции больше

1/5 всех стипендий для иностранных студентов предоставлялись выходцам из Латинской Америки, главным образом, бразильцам и аргентинцам [Magès, Milza, 1995, p. 283]. По окончании срока стажировки Кортасар устроился внештатным переводчиком в ЮНЕСКО, тем самым обеспечив себе возможность навсегда обосноваться в городе своей мечты.

* * *

Уже самые первые впечатления Кортасара передают всю меру его восхищения Парижем, который он назвал «городом богов» [Cortázar, t. 2, p. 103]. В марте 1950 г. он признавался в письме своим друзьям Хорхе и Дорите Вила Ортис, что «раздавлен под грудой впечатлений и переживаний»:

Как город — это самая превосходная штука из возможных. Панорамы невероятным образом сменяют друг друга (вот он, талант великих урбанистов); оживлённые кафе, улицы, ночная иллюминация — зрелищам нет конца. [Cortázar, t. 1, p. 305]

Описывая друзьям свою парижскую жизнь, он настойчиво звал их приехать: «<...> приезжайте весной, и Париж тоже даст тебе всё то, что он дает сейчас мне — парки Сен-Клу, вечерние прогулки по набережным, картофель фри с пивом на террасах кафе на площади Пигаль <...> приезжайте в Париж весной, и он предстанет перед тобой настоящим» [Cortázar, t. 1, p. 385–386]. Кортасар сожалел, что не может пригласить в Париж всех своих друзей и разделить с ними счастье жить в этом городе:

В последнее время каждый раз, когда мы с Ауророй (Аурора Бернардес, первая жена Кортасара. — О. Б.) проводили приятный вечер, прогуливаясь по набережным Сены, или ныряли ночью в какое-нибудь маленькое кафе, нам обоим одновременно приходила в голову одна и та же мысль: как было бы здорово, если бы вы оказались с нами, чтобы разделить этот немислимый бред, которым является Париж. Он в равной степени прекрасен и зимой, и летом; снова и снова Париж опрокидывает весь твой предыдущий опыт. [Cortázar, t. 2, p. 176]

Нередко Кортасар сам себя окорачивал, понимая, что его восторги могут не понравиться друзьям, которым прелести парижской жизни (к примеру, «удивительные выставки») были недоступны: «<...> это превращается в садизм, я умолкаю» [Cortázar, t. 3, p. 520]. Сам он без устали изучал различные кварталы Парижа и неутомимо посещал парижские музеи. В свой первый приезд он провел четыре часа в Музее импрессионизма и с радостью думал о том, что ему «еще остается целый мир Лувра» [Cortázar, t. 1, p. 305].

Даже по прошествии многих лет Кортасар по-прежнему ярко чувствовал очарование этого города, тем самым достигнув цели, которую он сформулировал еще в самом начале своей жизни во Франции: «<...> я хочу до конца оставаться в Париже туристом» [Cortázar, t. 1, p. 352]. Спустя годы он признавался в письме другу — известному ныне американскому переводчику-испанисту Грегори Рабассе, который перевел на английский язык его роман «Игра в классики»:

Прожив здесь тринадцать лет, я все еще не знаю Парижа. Чем больше я гуляю по его кварталам, захожу в кафе, теряюсь в его предместьях, тем сильнее

у меня складывается впечатление, будто я высадился неделю назад и мне еще предстоит все увидеть. Полагаю, это хорошо, потому что чувство чудесного остается нетронутым и как бы постоянно присутствует. Меня забавляет, когда порой в гостях у друзей-французов я поражаю их тем, что знаю уголки и места, о существовании которых они и не подозревали. Но, думаю, это всегда случается с иностранцами, которые по-настоящему “погружаются” в город. Местные почти никогда не выходят за пределы своего квартала и бытовых привычек [Cortázar, t. 3, p. 153].

Париж не только представлялся Кортасару великолепной декорацией жизни с его музеями, улицами, кафе, но и служил постоянным источником для наблюдений, размышлений и творческого вдохновения. После возвращения в 1959 г. из поездки домой, в Аргентину, Кортасар писал:

Мы встретили Париж уже почти весенним и сладостно погрузились в эту размеренную жизнь, которую мы здесь ведем, встречаясь с немногими друзьями, посещая театры и галереи, гуляя до изнеможения по городу, который является лучшим из театров [Cortázar, t. 2, p. 209].

Подобно тому, как люди идут в театр, надеясь получить ответы на некоторые из своих вопросов, Париж с его театральной сущностью обладал для Кортасара врачующими свойствами. Неслучайна любовь писателя к длительным, зачастую ночным прогулкам по городу, в котором можно было затеряться, передумать тревожные мысли, справиться с болью. Потрясенный известием о гибели в Боливии в 1967 г. Эрнесто Че Гевары, Кортасар писал:

Париж помогает мне сейчас постепенно прийти в себя, однако это рана из таких, которые не заживают, поэтому так или иначе я продолжаю предаваться преступной бездеятельности, размахивая руками там и сям, часами блуждая по кварталам, где, поскольку меня никто не знает, я приближаюсь к тому, чтобы вновь обрести себя [Cortázar, t. 3, p. 519].

Свое понимание сути любимого города Кортасар впоследствии выразил в одном из самых проникновенных текстов, когда-либо посвященных Парижу, который он написал по просьбе фотографа Алесио де Андраде в качестве предисловия к его фотоальбому¹, изданному в 1981 г. [Cortázar, t. 2, p. 176]. В этом эссе Кортасар изображает Париж во всем его многообразии, «с его суетностью и вульгарностью», заставляя читателя проникнуться подлинным духом города вне его туристических рамок и отказавшись от слепого обожания.

Кортасар по работе и в силу своей любознательности бывал во многих странах. К слову, зимой 1967 г. он проездом побывал в Москве, которую окрестил «симпатичной дурнушкой» [Cortázar, t. 3, p. 378]. Однако, судя по его письмам, ни одно место в мире не притягивало его к себе так, как Париж. Уезжал ли он по поручению ЮНЕСКО работать на международных конференциях или навещал родных в Аргентине — по его признаниям, всюду его преследовал образ Парижа. В одном из своих писем он не без иронии упомянул о том, как однажды, приехав в Буэнос-Айрес, остановился у витрины книжного магазина, где среди новинок была выставлена его книга. Две девушки, рассматривавшие витрину, по его словам, «и не подозревали, что

¹ París. Ritmos de una ciudad. Barcelona, 1981. Цит. по [Cortázar de la A a la Z, 2014, p. 210]

этот изможденный и скучающий тощий господин был сам Х. К. — телом, но не душой, поскольку душой я всегда в Париже» [Cortázar, t. 2, p. 285].

Приехав в 1959 г. по семейным делам в Буэнос-Айрес, Кортасар написал своему близкому другу аргентинскому художнику-абстракционисту Эдуардо Жонкьеру: «Я дико скучаю по Парижу» [Cortázar; t. 2; p. 199]. Часто возникающее в письмах Кортасара сопоставление Парижа и Буэнос-Айреса отсылает нас к приему сравнительной дескрипции, который выступает неотъемлемой составляющей «городского текста». «Насыщенному времени» в Европе, где «два часа могут превратиться в бесконечность», Кортасар противопоставлял «ленивое время в Буэнос-Айресе», которое тяготило и мучило его [Cortázar, t. 1, p. 303].

Кортасар сравнивал Париж и с другими городами, где ему доводилось бывать. Одним из наиболее ярких примеров являются его впечатления от Рима, куда он приехал с женой в сентябре 1953 г.: «Различия, по сравнению с Парижем, удивительные; нас завораживает охристый цвет города <...> повсюду романские башни, кампанилы и песни, потому что *ragazzi* поют здесь во все горло с шести утра. (Париж — тихий город; теперь я это вижу)» [Cortázar, t. 1, p. 460].

Окончательно обосновавшись в Париже, Кортасар не раз жаловался на грозившую необходимость вернуться в Аргентину в связи с болезнью тещи. Писатель с отчаянием представлял, что ему придется возвратиться «в этот Буэнос-Айрес, который я глубоко ненавижу, и начать жизнь с нуля в качестве госслужащего или преподавателя» [Cortázar, t. 2, p. 153]. Перспектива лишиться творческой свободы, которую он обрел в Париже, и работы, дававшей средства на путешествия, приводила Кортасара в ужас.

* * *

Ностальгия по Буэнос-Айресу, о которой Кортасар упоминал в своих письмах, в большей степени касалась не города, как такового, а друзей и близких. Вспоминая «палермитанские воскресенья» (имеется в виду один из районов Буэнос-Айреса под названием Палермо. — О. Б.), проведенные в доме своего друга Эдуардо Жонкьера, Кортасар сожалел о невозможности быть вездесущим [Cortázar, t. 2, p. 163]. Чувствуя, что его слова могут быть восприняты собеседником, как фальшь, писатель тотчас же упрекал сам себя: «Ты скажешь, что вздыхать по Буэнос-Айресу с балкона дома в 7 округе Парижа — это цинично» [Cortázar, *ibidem*].

С течением времени отдаление Кортасара от Буэнос-Айреса становилось все явственнее: «Здесь я чувствую себя плохо и, за исключением друзей, которых можно пересчитать по пальцам, всё здесь мне чуждо <...>. Я так люблю Буэнос-Айрес, что вновь мне необходимо бежать оттуда, чтобы воссоздать его издалека и по-своему» [Cortázar, t. 2, p. 20]. Парадоксальность последней фразы подтверждается литературным творчеством Кортасара, который неизменно обращался к аргентинским реалиям и сам не раз говорил о том, что лишь вдали от родины он смог внятно сформулировать для себя мысли, касающиеся Аргентины.

Непрятие жизни в Аргентине Кортасар объяснил в одном из своих писем, которое было отправлено спустя год после переезда в Париж: «<...> я уехал

из Аргентины, потому что у меня больше не было сил. Если бы я остался или если бы мне нужно было вернуться <...>, я бы опустил» [Cortázar, t. 1, p. 393]. Каждый раз, когда он возвращался в Буэнос-Айрес повидаться с семьей, его продолжали преследовать тягостные мысли. В 1962 г. в письме аргентинскому поэту Фреду Гутману он так описал свои ощущения от жизни на родине: «<...> иногда, к своему стыду, я чувствовал себя единственным живым человеком среди толпы мертвецов» [Cortázar, t. 2, p. 285].

С наибольшей нежностью Кортасар вспоминал не о тех местах, где он родился и вырос, а о расположенной в предгорьях Анд провинции Мендоса, где в молодости он преподавал в университете. Поэтому, когда в конце 1968 г. друг писателя профессор Жан Андрё пригласил его выступить перед студентами университета Тулузы, Кортасар благодарил его в письме за возможность «окунуться во вторую молодость»: «<...> я очень устал говорить и отвечать на вопросы, но в то же время я вернулся на 20 лет назад и погрузился в те времена, когда я преподавал в университете Мендосы» [Cortázar, t. 4, p. 32].

Кортасар не раз признавался, что Мендоса выделяется в его воспоминаниях: «она сродни паруснику» [Cortázar, t. 4, p. 177]. Своей ностальгией он делился с тамошними друзьями — известным гравером Серхио Серхи и его женой Глэдис Адамс:

[...]я почувствовал глубокую ностальгию по Мендосе и былым временам, по шуму ветра в тополях Успальяты и Лунлунты и решил отправить вам эти строки, не ожидая ответа, просто чтобы замкнуть круг воспоминаний, которые относятся к одному из самых счастливых моментов моей жизни. [Cortázar, t., p. 201]

Воспоминания о Мендосе Кортасар отождествлял с «*saudade*» [Cortázar; *ibidem*], т. е. со сложным чувством тоски по утраченному счастью, характерным для эстетической традиции португальской и галисийской литературы. Воспоминания о Мендосе повсюду настигали Кортасара в его «французской жизни». Вот что он писал тому же С. Серхи, отправляясь на лето в городок Сеньон на юге Франции, где ему принадлежал участок с домом:

Эта местность мне очень напоминает деревенские пейзажи Мендосы, хотя, разумеется, в Провансе более сухой и суровый климат. Но здесь тоже есть тополя, а в воздухе всегда разлито благоухание. У вас есть Сонда, а у нас Мистраль¹, и тот и другой довольно неприятные. В то же время, здесь также много солнечных дней, вино восхитительное, а люди простые и добрые. [Cortázar, t. 4, p. 214]

* * *

Хотя воспоминания о прежней жизни время от времени настигали Кортасара, в его письмах вовсе не чувствуется знакомой многим эмигрантам тоски по родине или отторжения чуждой культуры и образа жизни. Бытовые неурядицы присутствовали, но не вызывали у писателя желания все бросить и вернуться в лоно семьи, где он был бы окружен заботами матери и горячо любимой им бабушки. Неустроенная жизнь в университетском общежитии,

¹ Сонда — название горячего сухого ветра в аргентинском регионе Куйо. Мистраль — название сильного и холодного ветра на Средиземноморском побережье Франции.

а затем в квартире, которая, по словам самого писателя, напоминала велосипед («вся в профиль, без третьего измерения») и едва годилась для двоих, дороговизна, прочие неудобства, казалось, могли отрезвить любого. В письме своему аргентинскому издателю и одному из самых близких друзей Франсиско Порруа, собиравшемуся навестить его в Париже, Кортасар сообщал, что уже успел поднатореть в поисках «симпатичной квартирки с душем» для многочисленных кубинцев и аргентинцев, посещавших французскую столицу. Он многозначительно добавлял, что упоминание душа вовсе не является праздным, поскольку в Париже «гигиена и культура все еще не имеют ничего общего» [Cortázar, t. 3, p. 447]. В случае Кортасара культура, разумеется, перевешивала.

Подобно всякому иностранцу на чужбине, Кортасар сохранял определенные национальные привычки и гастрономические пристрастия. Не без доли юмора он отмечал, что никогда не отправляется в путешествие, «не взяв с собой все необходимое для того, чтобы власть потягивать мате» [Cortázar, t. 2, p. 349]. Когда знакомые передали ему в качестве гостинца традиционное аргентинское лакомство — вареное сгущенное молоко (*dulce de leche*), он в ответ написал, что оно и вправду «настоящее» и «очень вкусное»: «Я съел его с большим куском хлеба с маслом» [Cortázar, t. 4, p. 139]. Приглашая друзей погостить в его доме на юге Франции, Кортасар неизменно угощал их традиционным для Аргентины жареным мясом (*asado*). Радость дружеских застолий передавалась и языку Кортасара: с теплотой вспоминая о вечерах, проведенных с друзьями, он добавлял к словам уменьшительный суффикс (*asadito, cafecito*).

Закоренелый меломан, Кортасар не только был поклонником джаза, но и интересовался новыми исполнительскими именами, появлявшимися на аргентинской сцене. В 1968 г. он попросил двух молодых аргентинок Сару Фасио и Алисию д'Амиго, которые вместе с ним готовили фотоальбом о Буэнос-Айресе, привезти ему диски известного аргентинского барда Атауальпы Юпанки и гитариста-виртуоза Фалу [Cortázar, t. 3, p. 620]. А спустя год, в письме Жану Андрё, который собирался посетить Аргентину, он советовал привезти домой «диски с музыкой танго и хороших народных исполнителей» — того же Атауальпы Юпанки и «в особенности Фалу» [Cortázar, t. 4, p. 71].

Вопроса интеграции во французскую культуру перед Кортасаром не стояло, поскольку он всей душой любил историю и искусство Франции, много ездил по стране, а также прекрасно владел французским языком. В письме приятелю, который не говорил по-французски, он обронил такую фразу: «Ты теряешь удивительный язык, слово парижанина!» [Cortázar, t. 2, p. 352]. В своих письмах Кортасар из озорства или по необходимости свободно переходил с испанского на французский, не испытывая никаких трудностей. Летом 1956 г. Кортасар сообщал в письме своему другу художнику Эдуардо Жонкьеру, что он и его жена Аурора Бернардес, также работавшая переводчицей, показали лучшие результаты во время трехдневного квалификационного экзамена для переводчиков ЮНЕСКО, в котором приняли участие 600 человек, тогда как изначально они всего лишь рассчитывали попасть в первую двадцатку [Cortázar, t. 2, p. 95–96]. Но, несмотря на открывавшиеся перспективы, Кортасар и его жена отказались от предложенных им постов

постоянных переводчиков в Париже, Нью-Йорке или Женеве в обмен на свободу внештатных переводчиков, что позволяло им полгода сотрудничать на контрактной основе с ЮНЕСКО и зарабатывать на жизнь, а остальное время отдавать творчеству.

В том, что касается творчества, использование испанского языка даже после переезда во Францию оставалось для Кортасара непреложным: «ничто не кажется мне более приятным, чем писать по-испански <...> полагаю, я достаточно хорошо пишу по-испански, чтобы утверждать, что я люблю этот язык. Действительно, я пишу, как аргентинец. И я горжусь этим» [Cortázar, t. 1, p. 381–382].

«Аргентинский стиль» присутствовал не только в его романах, но и, разумеется, в переписке. В письмах Кортасара встречается много латиноамериканских и чисто аргентинских словечек и выражений, а также местных реалий. Так, к примеру, Кортасар использует аргентинское слово *boligrafo* для обозначения шариковой ручки и столь распространенное в Аргентине междометие *che*, употребляемое в качестве дружеского обращения. В том же качестве он часто употребляет слово *viejo*, русским эквивалентом которого может быть «старина, дружище». К другим примерам подобного рода относятся прилагательное *macanudo*, которое в Аргентине используется в значении «превосходный, великолепный», и приставка *requete-* в значении «очень». В одном из писем Кортасар назвал свою подругу, испанку Ракель Тирселен-Меиас, *requetesalada*, т. е. «очень остроумной» [Cortázar, t. 4, p. 130].

Прося друга о небольшом одолжении — сообщить ему адрес общего знакомого — Кортасар использует слово *gauchada* (*¿Me hacés la gauchada?*) [Cortázar; t. 3; p. 421]. Оно является производным от *gaucho* (в XVIII–XIX веках так называли жителей аргентинской пампы, занимавшихся выпасом скота) и обозначает поступок, характерный для гаучо, или попросту — услугу. Также характерной особенностью языка Кортасара, которая выдает в нем аргентинца, выступает использование уменьшительно-ласкательного суффикса —*ito*, который либо придает слову немного ироничное звучание (*el vinito* — «бокальчик вина»), либо позволяет скорректировать его значение (*un viajecito* — т. е. не путешествие, а небольшая поездка).

Иногда Кортасар в равной степени использовал как испанский, так и аргентинский варианты глагольных конструкций. Сам он подшучивал над собой. Употребив в письме аргентинскую форму глагола во втором лице единственного числа (*haré lo que me decis*), он в скобках прокомментировал, начав с французского восклицания: «Смотри-ка, у меня вырвалось креольское словечко! (*¡Tiens, me saliò criollito!*)» [Cortázar, t. 1, p. 382].

Вкрапления французских выражений и слов, подобно приведенному выше примеру, а также кальки французских слов или новообразованные испанские слова, появившиеся за счет использования французских морфем, встречались в письмах Кортасара как результат его длительного проживания во Франции. К примеру, рассказывая своему аргентинскому издателю и другу Ф. Порруа о завершении работы над романом «62. Модель для сборки», Кортасар упомянул о том, что его жена Аурора с удовольствием прочла текст и сочла его годным для публикации — *publicable* [Cortázar, t. 3, p. 561]. Это слово заимствовано из французского языка, где оно звучит немного иначе — *publiable*: у Кортасара к основе испанского глагола *publicar* (публиковать) был присо-

единен французский суффикс *-able*, позволяющий образовать отглагольные прилагательные со значением возможности результата.

Сам писатель осознавал, что постоянное пребывание среди носителей другого языка не может пройти для него бесследно: «<...> со временем французский станет подтачивать мой испанский. Совершенно логично, что французский, который будет моим дневным языком, быстро станет доминировать над испанским, который будет ночным языком, сферой снов» [Cortázar, t. 1, p. 381]. Переводческая деятельность в рамках ЮНЕСКО превратилась для Кортасара в параллельную реальность на фоне его писательских занятий, которым он часто был вынужден посвящать ночь. О своих бесконечных командировках и работе на различных конгрессах Кортасар отзывался без особого энтузиазма. С раздражением он говорил о том, что ему приходится «переводить бурду в ЮНЕСКО» (*traducir bodrios en la Unesco*) [Cortázar, t. 4, p. 133]. Однако и эта нелюбимая работа получает у него своего рода «аргентинский» эпитет — южноамериканский эквивалент дремучего леса: «моя ЮНЕСКОВская сельва» (*mi selva unesquiiana*) [Cortázar, t. 4, p. 170].

* * *

С ростом писательской популярности Кортасару все чаще приходилось объяснять причины своего отъезда из Аргентины. Эта необходимость постоянно оправдываться удручала и мучила его. Надо отметить, что Кортасар подал прошение о получении французского гражданства лишь в 1970 г., к тому времени проведя в Европе без малого двадцать лет. Такой шаг был продиктован прежде всего желанием избавиться от статуса бесправного иностранца в стране, где он постоянно жил и работал.

Несмотря на то, что Кортасар никак не афишировал свое решение, новость стала достоянием общественности, часть которой резко осудила писателя [Эрраес, с. 353–354]. Кортасар, вовсе не помышлявший о том, чтобы отказаться от своих корней, очень переживал из-за поднявшейся волны осуждения. В письме своему другу, спортивному обозревателю Улиесу Баррера, Кортасар благодарил его за слова поддержки: «Сейчас, когда с таким остервенением меня обвиняют в том, что я не являюсь в полной мере аргентинцем, твои слова для меня как терпкий мате без сахара, как последняя сигарета, которую на рассвете по очереди выкуривают два друга, прежде чем вернуться домой» [Cortázar, t. 4, p. 133].

В июне 1971 г. Кортасар разъяснял проживавшей в Мендосе исследовательнице Грасьеле де Сола, которая посвятила ему монографию [De Sola, 1968], что его желание получить французское гражданство связано лишь с соображениями удобства, тогда как сам вопрос о национальной принадлежности для него «ровным счетом ничего не значит»: «Мою латиноамериканскую сущность не изменит никакой паспорт или другой официальный документ» [Cortázar, t. 4, p. 230].

В этой череде упреков в измене родине также звучали обвинения в том, что сам отъезд Кортасара в Париж и написанные им там книги бросали тень на латиноамериканскую культуру: будто бы она уступала европейской культуре, средоточием которой представлялся Париж. В сентябре 1972 г. в письме молодому исследователю латиноамериканской литературы С. Сосновски

Кортасар пытался расставить все точки над «i» в этом вопросе: «Я глубоко сожалею, что способствовал обожествлению Парижа. Но следовало бы получше уяснить себе, до какой степени Париж во многих смыслах способствовал пробуждению нашего латиноамериканского самосознания» [Cortázar, t. 4, p. 320]. Он подчеркивал, что приехал в Париж никому не известным — как «господин никто» (*un don nadie*) — и именно в Европе состоялся как писатель: «Европа, в каком-то смысле, стала соавтором моих книг, в особенности, это касается “Игры в классики”» [Ibidem]. Впоследствии он повторил ту же мысль в интервью уругвайскому журналисту Эрнесто Гонсалесу Бермехо: «Единственное, в чем я абсолютно уверен, так это в том, что никогда бы не написал книги, подобной “Игре в классики”, если бы я не прожил столько лет в Аргентине <...> эту книгу я не написал бы, если бы я остался тогда в Аргентине» [Кортасар, 2002, с. 330].

После совершившегося в 1976 г. в Аргентине военного переворота диктаторский режим объявил Кортасара *персоной нон-грата* за публикацию рассказов с политическим контекстом. Для писателя это стало потрясением: «Аргентина закрыта для меня на неопределенный срок, и впервые в своей жизни я ощущаю себя изгнанником, что ранит меня» [Cortázar, t. 4, p. 585]. К этому примешивалось еще и обеспокоенность за судьбу матери и сестры, которые были вынуждены жить в «этом аду, каким стала Аргентина» [Cortázar, t. 4, p. 588], где похищали, мучили в застенках и убивали тысячи людей.

Фактическая утрата Кортасаром аргентинского гражданства усугублялась длительной эпопеей с получением гражданства Франции. Дважды на его прошение приходил отказ, и лишь в 1981 г. после избрания президентом Франсуа Миттерана он стал полноправным французским подданным. Описывая матери свои впечатления от этой новости, Кортасар, как и во многих других письмах, подчеркнул:

Вдали от родины я доказал, как смог, что я был, есть и буду аргентинцем в гораздо большей степени, чем те, что вывешивают флаги в дни государственных праздников и распевают гимн, даже не понимая до конца смысла его слов. Как смог, я написал произведения, которые останутся в истории аргентинской литературы; только это имеет для меня значение — то, что я пригодился моему народу, дав ему книги, которые смогли тронуть, развлечь его или показать, что реальность шире того, что представляют себе люди, которые никогда не покидали своего квартала [Cortázar, t. 5, p. 367].

Заключительные слова приведенной выше цитаты могут послужить жизненным девизом самого Кортасара. Благодаря переезду в Париж его жизнь, в сравнении с безрадостным существованием на родине, приобрела совсем иные очертания — как в географическом, так и в мировоззренческом смыслах.

Жизнь вне родины, которая для многих оборачивается испытанием, Кортасару, напротив, словно дала глоток свежего воздуха, раскрепостила его. В первые десятилетия своей жизни в Париже Кортасар упивался обретенной свободой, новизной, ценил возможность много путешествовать — как по работе, так и по собственному желанию, а также заниматься литературным творчеством без оглядки на кого бы то ни было.

И все же осознанное стремление сохранить аргентинскую идентичность, испанский — как язык творчества, озабоченность проблемами латиноамериканского континента, привносили элемент раздвоенности в его парижскую

жизнь. Язык писателя вмещал аргентинские словечки и в то же время подспудно интегрировал французские слова и выражения. Отсутствие тоски по родине проявляется в его письмах в частом сопоставлении Парижа и Буэнос-Айреса, как правило, не в пользу последнего. Вместе с тем в его парижских квартирах ему недоставало друзей из Буэнос-Айреса, а в городке на юге Франции ему мерещились пейзажи аргентинской Мендосы. Своеобразная дихотомия ощущалась и в быту, где бокал французского вина соседствовал с мате и традиционными аргентинскими блюдами. Двояким был и статус Кортасара во Франции: его осознанный отъезд из Аргентины спустя десятилетия, в 70-е годы, приобрел характер вынужденного изгнания, при этом и во Франции он *де-юре* долгое время оставался «чужим».

Порожденные Парижем дихотомии главным образом скрашивали и обогащали жизнь Кортасара и лишь временами тяготили его, например, в период травли в связи с получением французского гражданства. Париж оставался для писателя городом обретения латиноамериканской идентичности и городом вдохновения, примирявшим его с действительностью и позволявшим выходить за ее рамки, пусть и в пространстве своих произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cortázar de la A a la Z. Un álbum biográfico. Buenos Aires, 2014.
2. Cortázar J. Cartas. Tomo 1. 1937–1954; Tomo 2. 1955–1964; Tomo 3. 1965–1968; Tomo 4. 1969–1976; Tomo 5. 1977–1984. Buenos Aires, 2012.
3. De Sola G. Julio Cortázar y el hombre nuevo. Buenos Aires, 1968.
4. Fondebrider J. La París de los argentinos. Buenos Aires, 2010.
5. Goloboff M. Julio Cortázar, la biografía. Buenos Aires, 1998.
6. Herráes M. Dos ciudades en Julio Cortázar. Barcelona, 2013.
7. Herráes M. Julio Cortázar. El otro lado de la cosas. Valencia, 2001, 1 ed.; Barcelona, 2004, 2 ed.; Рус. пер.: Эрраес М. Хулио Кортасар. Другая сторона вещей. М., 2005.
8. Kohut K. El escritor latinoamericano en Francia. Reflexiones de Julio Cortázar en torno al exilio // INTI: Revista de literatura hispánica. № 22/23. Cortázar en Mannheim (otoño 1985 — primavera 1986). University of Connecticut, 1985. P. 263–280.
9. Marès A., Milza P. Le Paris des étrangers depuis 1945. Paris, 1995.
10. París. Ritmos de una ciudad. Barcelona, 1981.
11. Schmidt-Cruz C. De Buenos Aires a París: los cuentos de Julio Cortázar y la reformulación de su identidad cultural // Actas del XIII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Madrid, 6–11 de julio de 1998. Madrid, 2000. Tomo III. P. 411–419.
12. Sorensen D. From Diaspora to Agora: Cortázar's Reconfiguration of Exile // Modern Language Notes. Vol. 114, № 2, Hispanic Issue. The Johns Hopkins University, Baltimore, 1999. P. 357–388.
13. Дубин Б. Хулио Кортасар: краткая летопись жизни и творчества // Иностранная литература. 2001. № 6. С. 273–276.
14. Кортасар Х. Письма к издателю (в переводе Эллы Брагинской). М., 2012.
15. Кортасар Х. Я играю всерьёз. Эссе, рассказы, интервью. М., 2002.
16. Топоров В. Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 368–399.

Поступила в редакцию 12.02.2014